

TOPICAL
DIALOGUES

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

№ 5

2018

**Данный номер электронного бюллетеня “Актуальные диалоги - 2018”
выпущен при поддержке Черноморского фонда регионального сотрудничества
(проект Фонда Германа Маршалла).**

**Мнения, высказанные в бюллетене, принадлежат их авторам
и могут не совпадать с мнениями и позициями Черноморского фонда
регионального сотрудничества или его партнеров.**

B | S | T The Black Sea Trust
for Regional Cooperation
A PROJECT OF THE GERMAN MARSHALL FUND

СОДЕРЖАНИЕ

Одна тема – два автора	4
Ни война, ни мир: мягкая сила дискурса	5
Дискурс мира и войны в азербайджанском и армянском обществах	16

ОДНА ТЕМА - ДВА АВТОРА

Это - серия параллельных статей, подготовленных армянскими и азербайджанскими авторами.

Материалы подготовлены в рамках проекта Исследовательского центра «Регион» «Публичные диалоги» для коммуникаций между армянскими и азербайджанскими специалистами».

Этот проект поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества Фонда Германа Маршалла.

Партнером по проекту является Институт мира и демократии (Нидерланды). Сайт www.publicdialogues.info был учрежден в 2012 г. Исследовательским центром «Регион» и Институтом мира и демократии, который тогда действовал в Азербайджане.

ТЕМА: ДИСКУРС МИРА И ВОЙНЫ В АРМЯНСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ - 2018

С комментариями авторов к другой статье по теме можно ознакомиться здесь - <http://www.publicdialogues.info/node/800>

СЮЗАННА БАРСЕГЯН

Армянский институт международных отношений и безопасности

НИ ВОЙНА, НИ МИР: МЯГКАЯ СИЛА ДИСКУРСА

<http://www.publicdialogues.info/node/798>

«Люди никогда не участвуют в войне без посреднической силы дискурса»¹

Адам Ходжес

Дискурсы мира и войны актуальны для армянского общества, живущего более двух десятилетий в положении «ни войны, ни мира». Неурегулированный Карабахский конфликт, отношения РА с соседними странами, а также региональные реалии делают для общественности наиболее «естественным» дискурс войны, а дискурс мира – все больше «абстрактным».

Дискурсы мира и войны оказывают существенное влияние на реальную политику, и на процесс принятия решений. На политических и общественных площадках, в СМИ и в социальных сетях сущность этого дискурса формирует представления о мире и войне, дает определение задачи безопасности страны и соответствующих

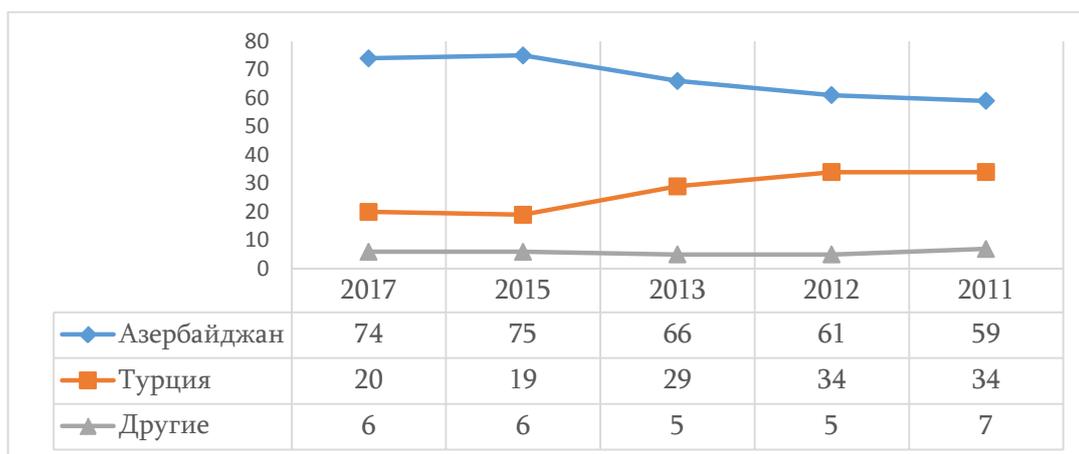
¹ Discourses of War and Peace, Adam Hodges (ed.), Reviewed by Vesa Koskela, Sociolinguistic Studies, Vol. 9.4, 2015, p. 519.

поведенческих паттернов для ее обеспечения. Как отмечает АдамХоджес, война не связана с человеческим мозгом, а скорее существует как культурная практика, выраженная в языке, а также в действии².

Враждебная среда

Соотношение дискурсов мира и войны, обусловленное миролюбивой или воинственной природой вербальной деятельности на общественных площадках (в основном в политической риторике и в медиа пространстве), формирует общественные представления о безопасности, в которых определение «друг – враг» занимает особое место. Согласно опросам общественного мнения, подавляющее большинство общественности Армении имеет враждебное восприятие соседства, в лице Азербайджана и Турции (см. График 1). Однако, не считая врагами своих двух других соседей – Грузию и Иран, лишь малая часть опрошенных признает их друзьями.

График 1. Враждебные Армении страны, согласно общественному мнению, %³

Причем данные показывают, что за последние 7 лет наблюдается динамика роста восприятия Азербайджана как врага.

Примечательно, что в Арцахе есть более обостренное восприятие враждебного соседства, и практически нет разницы в восприятии Азербайджана и Турции (см. График 2).

²См. там же.

³ Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2017

(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final_.pdf).

График 2. Враждебные НКР страны, согласно общественному мнению (несколько ответов, %)⁴

Дискурс войны в редких случаях ассоциируется с Турцией, несмотря на недружественные отношения, закрытую границу, историческую непримиримость.

Отношение к России не однозначно. В общественном сознании Россия уже долгое время сохраняет имидж единственного друга. С одной стороны, в общественном сознании есть образ России как гаранта безопасности Армении и основного актора урегулирования Карабахского конфликта, с другой стороны Россия - это угроза безопасности для Армении и Арцаха, потому что продает наступательное оружие Азербайджану.

Вот такая враждебная, недружественная среда вызывает обостренное восприятие безопасности в армянском обществе, что, в свою очередь, способствует развитию дискурса войны, милитаризации общества и легитимации войны в целом.

И в этой общей враждебной среде дискурс войны в основном сосредоточен на Карабахском конфликте.

Карабахский конфликт - ключевой фактор дискурсов войны и мира

Согласно общественному мнению, после приоритетных для населения социально-экономических проблем, существенными являются неразрешенный конфликт и нехватка мира (10-11% опрошенных)⁵. Хотя и мирное решение конфликта в обозримой перспективе представляется не таким уж и реалистичным (см. График 3). 15% опрошенных даже затрудняются делать какие-то прогнозы в этом вопросе.

⁴Opinion Polls in Nagorno-Karabakh: Comparative Results from 2015 and 2016, IPSC – Institute for Political and Sociological Consulting, Armenia, 2016 (http://eufoa.org/wp-content/uploads/2016/12/Comparative-opinion-polls_2015-2016_17.11.2016_Website_Eng-2.pdf).

⁵Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2017

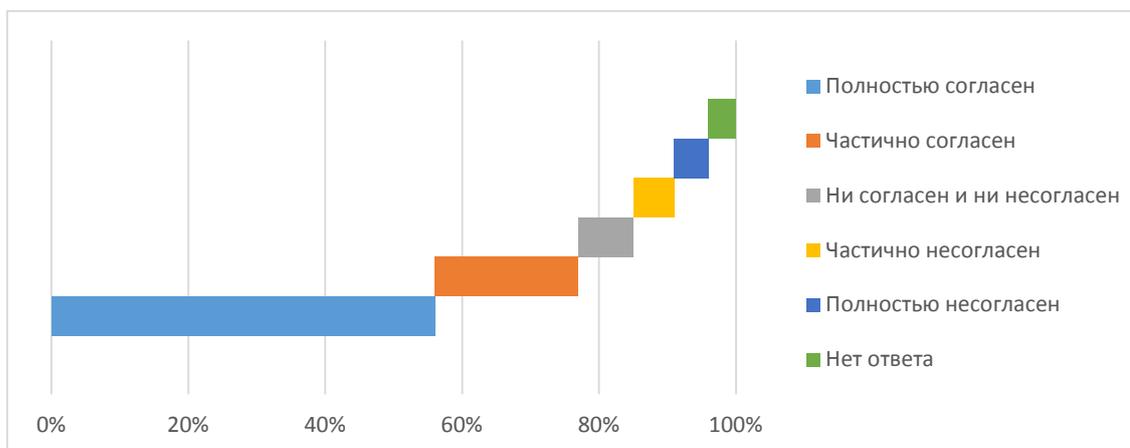
(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final_.pdf).

График 3. Насколько вероятно разрешение Нагорно-карабахского конфликта мирным путем в течение следующих пяти лет? (%), 2013⁶

Опрос общественного мнения после апрельской войны 2016г. показал, что несмотря на угрозы войны, большинство населения Армении видит разрешение Карабахского конфликта лишь переговорным путем (см. График 4).

График 4. «Апрельская война показала, что Карабахский конфликт должен быть разрешен не силовым, а переговорным путем»: Общественное мнение, 2017⁷.

По сути, тем самым армянское общество подтверждает свой подход мирного урегулирования. Однако полярные подходы делают нереальной перспективу последнего (см. Рисунок 1).

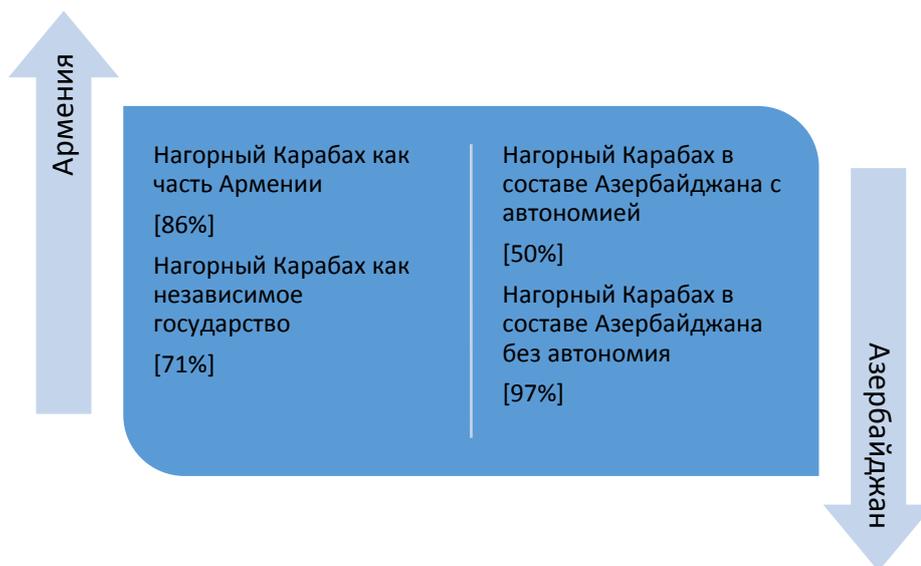
⁶Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2013

(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf)

⁷Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan,

2017(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final_.pdf).

Рисунок 1. Подходы к статусу Нагорного Карабаха, 2013⁸

Общества двух стран солидарны своим отношением только одному варианту: они одинаково считают неприемлемым (88-90%) статус НКР как специальной административной территории, совместно управляемой Азербайджаном и Арменией.

Согласно опросам 2015 и 2016гг.⁹, население Арцаха, в свою очередь, видит два основных варианта определения статуса Нагорного Карабаха: 1) быть независимым и 2) войти в состав Армении. Следует отметить, что апрельская четырехдневная война 2016г. внесла заметные коррективы в восприятие арцахцев относительно статуса НКР и урегулирования конфликта. Население Арцаха видит вышеупомянутый статус, включая 7 районов (Агдам, Джабраил, Физули, Кубатлы, Кельбаджар, Лачин и Зангелан), в составе НКР или РА.

Из вариантов решения конфликта жители Карабаха считают первостепенным сохранение текущей ситуации (статус кво) силами армянских войск (35%) и признание независимости НКР Арменией, с сохранением мира и территорий (33%), и лишь 1/10 часть опрошенных видит решение в военных действиях. В то же время они считают, что если влиятельные государства окажут давление и потребуют, чтобы Азербайджану были возвращены освобожденные земли, народ должен оружием противостоять этому решению (81%).

Таким образом, Карабахский конфликт является основным стимулом дискурсов войны и мира в Армении и в Арцахе. Доминирование дискурса войны над дискурсом мира является следствием полярных подходов конфликтующих сторон, которым сложно найти взаимовыгодные решения. Есть опасения, что в случае готовности армянской

⁸Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2013

(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf)

⁹Opinion Polls in Nagorno-Karabakh: Comparative Results from 2015 and 2016, IPSC – Institute for Political and Sociological Consulting, Armenia, 2016 (http://eufoa.org/wp-content/uploads/2016/12/Comparative-opinion-polls_2015-2016_17.11.2016_Website_Eng-2.pdf).

стороны к мирному урегулированию, противоборствующая сторона может занять иную позицию. Такая ситуация порождает соперничество, в котором победителем может оказаться лишь одна сторона, поэтому, в СМИ и в публичном пространстве, дискурс войны становится доминирующим. С одной стороны, он способствует эскалации войны, с другой – предстает в качестве языка мира: развитие военного потенциала страны, подавления попыток вооруженной агрессии противника представляется действиями, направленными на утверждение мира.

Основные силы дискурса

В отличие от практик войны и мира, коммуникативная, вербальная природа дискурсов войны и мира дает возможность деконструировать принятый и легитимирующий войну дискурс, изменяя язык и нарративы. Однако факторы, влияющие на эти дискурсы и заинтересованные стороны весьма разнообразны: власть и лица, ответственные за политику, общественность Армении и Арцаха, армянская диаспора, СМИ, противоборствующая сторона конфликта, международная общественность, посреднические организации и т.д. Следовательно, стимулирующие дискурсы субъекты способны утвердить превосходство одного из них. Помимо этого, разнообразие заинтересованных сторон способствует возникновению разницы между общественными и политическими дискурсами, между действительностью и восприятием.

Среди внутриармянских субъектов, продвигающих дискурс, особенно влиятельными являются власти/политически ответственные силы, политпартии и гражданское общество, мозговые центры и эксперты. После установления перемирия эти силы циркулировали различные, часто взаимоисключающие подходы по урегулированию конфликта.

Можно сказать, в центре дискуссий уравновешенные, консервативные подходы политически ответственных сил, основных политсил, в рамках которых больше представляются различные переговорные форматы, варианты решения, некоторые компромиссы и бескомпромиссные вопросы (часто на официальном уровне избегают публичных разговоров о договоренностях по уступкам). А по краям - два радикальных подхода. С одной стороны, так называемый националистический подход, рассмотрение вопроса в общем контексте Армянского вопроса (восстановление исторической справедливости и возвращение армянских земель), в рамках которого излишне говорить об уступках, и который предполагает силовые методы решения. С другой стороны, мало озвучиваемая однозначная готовность к уступкам во имя мира очень маленького количества представителей гражданского общества .

Трудно судить, в какую сторону поведут эту дискуссию новые власти Армении. Пока что новое правительство и новый президент заявляли о готовности к мирному решению конфликта, подчеркивали пагубные последствия войны для обеих стран и региона в целом, а также о намерении добиться возвращения НКР за стол переговоров.

Манипуляция дискурсом войны

Манипуляция с безопасностью является другой стимулирующей дискурс войны силой, основанной на особой чувствительности общества к этой теме. Используя военное положение и высокую степень заинтересованности общества вопросами обороны, власти, путем патриотической пропаганды, ослабляют общественный запрос на демократические процессы, во многих случаях противопоставляя безопасность демократическим, гражданским ценностям. Отмечая сохранение безопасности как наиболее важную задачу, власти придают ей неоспоримо важный статус, сужая при этом восприятие этого понятия как такового. Противопоставление интересов безопасности и основополагающих принципов демократии в общественном восприятии укрепляется в политическом дискурсе на фоне внутривнутриполитических процессов. Так, Карабахский конфликт и вопрос войны и мира всегда были важными темами в политическом дискурсе. Стереотипы, циркулирующие в этих обсуждениях, работали в пользу дискурса войны. И наоборот – перевес дискурса войны выдвигал некоторые неоспоримые подходы:

- Если мы в конфликте, то не можем соблюдать демократию: для мобилизации общества необходим дискурс войны и авторитарное правление (авторитарные подходы представляются залогом обеспечения силы и безопасности).
- К имеющимся социально–экономическим трудностям надлежит относиться снисходительно, ввиду постоянной военной угрозы и приоритетных для страны оборонных затрат.
- Разрешение Карабахского конфликта в пользу армян напрямую связано с конкретными лицами, находящимися у власти (наиболее осведомленными, происхождением из Арцаха и принявшими непосредственное участие в войне).
- Поствыборные митинги и акции против фальсифицированных выборов работают в пользу враждебных соседей и способствуют приграничным столкновениям.
- Официальная переговорная сторона, во избежание недоверия общественности, не говорит об уступках.
- Дискурс мира воспринимается исключительно как готовность идти на компромисс.

Однако дискурс войны и мира, а также восприятие безопасности обрели новый смысл после апрельской войны 2016г. и апрельской революции 2018г.

Два решающих события: война и революция

После войны 2016г. и революции 2018г., в контексте внутривластных изменений в Армении, ломаются стереотипы и табу, сформированные на протяжении многих лет.

После апрельской войны был поставлен четкий акцент на дискурсах войны и мира, поднялась новая волна обсуждений относительно урегулирования конфликта, произошли изменения в общественном мнении, а также в восприятии России как единственного союзника.

Дискурс войны, в свою очередь, способствует милитаризации общества. Как отмечает Л. Багдасарян, после апрельской войны 2016г., «право на войну» перестало быть исключительно монополией азербайджанского дискурса¹⁰. Кроме объективных причин войны, реализуя разные программы и используя возможности СМИ, сама власть способствовала милитаризации. Примером к сказанному может послужить концепция «Нация-армия», посредством которой делалась попытка сфокусировать внимание населения на задачах обороны и армии, а также создать программу «военно–патриотического воспитания учащихся». Как показали результаты медиа-дискурсов вокруг программы «Нация-армия», связь армия–нация укрепляется в контексте укрепления безопасности¹¹. Многие эксперты квалифицировали эту концепцию как программу милитаризации общества и связали ее с авторитаризацией власти. Хотя концепция «Нация-армия» и ряд программ, подготовленных в рамках этой концепции, не осуществляются после Бархатной революции 2018г.

Несмотря на активизацию вопроса безопасности после апрельской войны 2016 года и мобилизацию общества для обороны, проблемы, выявленные в ходе войны, коррупционные раскрытия, опыт частных вкладов в рамках концепции «Нация-армия» поставили под сомнение оценку армии как безусловно доверительного и состоявшегося института, приоритетность безопасности и обороны над социально-экономическими трудностями и уступками в демократических процессах.

Возможно, это оказало воздействие через два года в деле массового революционного участия в 2018 г. Циркулирующий годами миф о том, что в силу исторической памяти, консервативности и мудрости, народ не пойдет на внутривластные потрясения, осознавая угрозы, исходящие от вражеской среды и войны, на этот раз не сработал. Хотя в течение всего времени гражданского неповиновения и митингов озвучивался тезис и распространялась информация о приграничных скоплениях азербайджанских вооруженных сил и угрозе, это не только не уредило участников протестов, но и столкнулось с контраргументами: подобное гражданское участие, воцарившийся дух и сила народа, наоборот, могут способствовать обороне. Антикоррупционные

¹⁰Багдасарян Л. Метафоры дискурса мира и войны на армянских и азербайджанских публичных площадках после апреля 2016 г., Исследовательский центр “Регион”, 2017 (<http://hetq.am/rus/news/75606/metamorfoziy-diskursa-mira-i-voyniy-na-armyanskikh-i-azerbaiydzhanskikh-publichniykh-ploshchadkakh-posle-aprelya-2016-g.html>).

¹¹Армянский медиадискурс концепции “Нация-армия” 2017, Исследовательский центр “Регион”, Ереван, 2017(<http://www.regioncenter.info/sites/default/files/Nation-Army%20discourse%202017-%20RUS.pdf>).

действия нового правительства Армении, шаги к демократизации и легитимность власти на практике показали положительные результаты.

Таким образом, революция, в силу внутривнутриполитических процессов, изменила миф манипулирования войной и безопасностью. Легитимность власти и преследование демократических ценностей может стать новым переговорным ресурсом и ресурсом безопасности Армении.

Информационное пространство и язык дискурса

Однако, помимо внутреннего армянского дискурса, очень важен и азербайджанский, потому как асимметрия этих дискурсов, в свою очередь, способствует развитию дискурса войны. Военная риторика и пропаганда, искажение фактов и информации влияют не только на внутреннюю аудиторию, но и порождают соперничество и информационную войну.

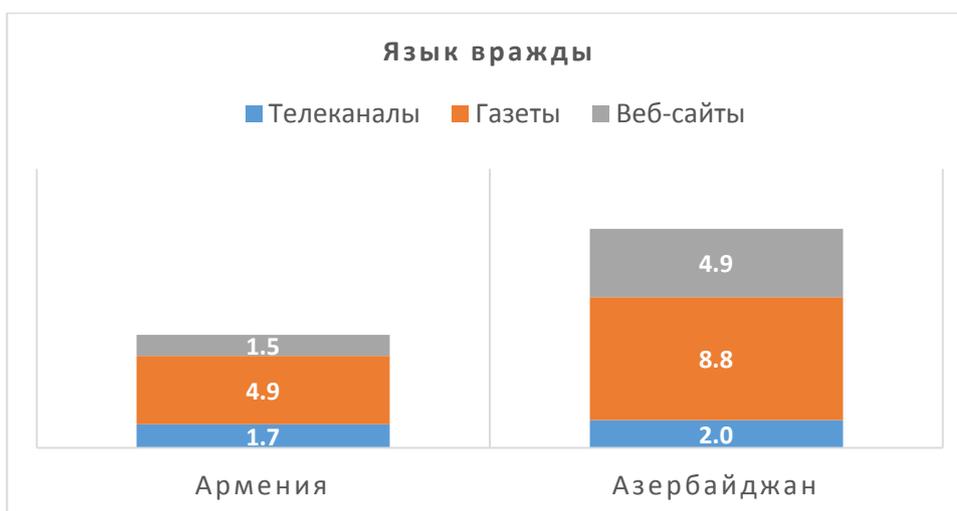
В армянском и азербайджанском обществах, асимметрия дискурсов войны и мира выражается в политической риторике, в СМИ, социальных сетях, образовательных программах (в учебниках истории и других предметов, «патриотическом» воспитании и т.д.)¹², искусстве и в других областях.

В деле формирования этих дискурсов особо важна роль СМИ, так как они являются основным источником информации не только для внутренней аудитории, но и для аудитории противоположной стороны. Учитывая, что обычно в СМИ дискурс войны выражается, в первую очередь, языком вражды, этот показатель может выступить важным маркером. Асимметрию языка вражды выявляют исследования СМИ Армении и Азербайджана (2014г.): согласно их результатам, язык вражды особо ярко выражен в азербайджанских СМИ (см. График 5) .

График 5. Язык вражды в СМИ Армении и Азербайджана (соотношение материалов с элементами “языка вражды” к общему числу исследованных материалов данного вида СМИ, %)¹³

¹²В образовательных программах дискурс войны крайне агрессивен в Азербайджане. Учебники и другие учебные материалы можно найти на следующем вебсайте: <http://azerichild.info/books-education-azerbaijan-hatred-from-childhood.html>;

¹³“Язык вражды” в средствах массовой информации Южного Кавказа (На основе мониторинга СМИ Азербайджана, Армении и Грузии), Ереванский пресс-клуб, 2014 (http://ypc.am/wp-content/uploads/2015/03/Hate_Speech_October_2014_rus.pdf).

Для эмоционального вовлечения людей в конфликт, стороны разделяются на “хорошие” и “плохие”, конструируется борьба между “правдой” и “ложью”. В этом дискурсе войны конфликт представляется неразрешимым, стороны констатируют героические поступки своего народа и злодеяния противоположного, гуманизируют своих политических и военных лидеров, солдат, жертв, гражданское население, полностью обезличивая этим образы противоборствующей стороны.

Согласно данным исследования азербайджанских и армянских СМИ (2008-2013гг.)¹⁴, распространяемые противником клише в контексте урегулирования Карабахского конфликта, по большинству зеркально противоположны. Так, например, СМИ обеих стран в отношении друг друга используют определенные клише: агрессор, оккупация, армянская/азербайджанская пропаганда, зверство, варварство, терроризм, воинственная политика, измененные топонимы и т.д. Используются также клише с противоположным значением, (например, освобожденные/оккупированные районы), выражения и слова, взятые в кавычки («НКР», «Геноцид армян» и т.п.) и используемые только одной стороной (Арцах, армянские/карабахские сепаратисты). В СМИ циркулирует также стереотип бескомпромиссности, при этом имеется ввиду нежелание противника идти на уступки. Однако вариант разрешения конфликта путем военных действий встречается исключительно в азербайджанских СМИ. В армянских же наиболее часто указывается, что Армения - сторонник мирного, а Азербайджан - военного решения конфликта.

С учетом различной степени свободы, СМИ обеих стран (конечно, в разных соотношениях) не представляют в итоге аудитории достоверной информации друг о друге¹⁵. Этот информационный пробел в какой-то степени восполняется социальными сетями, которые представляются с одной стороны инструментами коммуникации, с другой – инструментами информационной войны. Социальные сети

¹⁴Глоссарий языка вражды в СМИ Азербайджана и Армении, Баку-Ереван, 2008-2013 (http://ypc.am/upload/GLOSSARY_rus.pdf)

¹⁵Согласно «Отчету о свободе слова за 2017 год» Freedom House-а, Армения занимает 137-е, а Азербайджан - 190-е место среди 10 стран с самым низким рейтингом в мире.

предоставляют возможность содействовать мирному дискурсу, который невозможен без восприятия истории противоположной стороной конфликта, без учета мнения участников, уважения к жертвам, без отличия политических, военных лидеров от простых людей. По сути, социальные сети пока не имеют широкого применения в мирном дискурсе двух народов, и используются, по большому числу, как инструмент информационной войны.

Таким образом, восприятия мира и войны в целом не основаны на реальных фактах и правдивой информации. Медиа технологии формируют эти представления, распространяют и воспроизводят дискурсы войны и мира. Последние фактически выступают как важные инструменты мягкой силы (softpower).

В настоящее время дискурс войны, безусловно, является доминантным, и, в принципе, общества противоборствующих стран не готовы к миру, несмотря на провозглашенные заявления¹⁶.

Дискурс мира, следуя неоспоримым стандартам правды, способен выявлять противоречия и деконструировать полярность дискурса войны. Он призван переосмыслить мифы и выделить общие ценности, указать на цену победы, определяя вред для культуры, экономики, социальных отношений и т.д., а также исследовать возможности трансформации конфликта и возможности для примирения и установления мира¹⁷.

¹⁶Согласно нашим наблюдениям, дискурс войны в Азербайджане носит более крайний и комплексный характер.

¹⁷Kempf W. Deescalation-oriented conflict coverage? The Northern Ireland and Israeli-Palestinian peace processes in the German press, IAMCR Scientific Conference at Leipzig (Germany), 1999
(<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.871.4250&rep=rep1&type=pdf>).

АДЫЛЬ АХУНДОВ

Институт мира и демократии

ДИСКУРС МИРА И ВОЙНЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВАХ

<http://www.publicdialogues.info/node/797>

С мая 1994 года Азербайджан и Армения живут в состоянии «ни мира, ни войны». Это состояние не могло не отразиться на настроениях в обществах.

От «войны до победного конца» до «проиграно сражение, но не война»

В период активного противостояния (в том числе с применением военной силы) с 1988 по 1994 гг. общества больше отдавали предпочтение лозунгу «война до победного конца». Хотя уже тогда в обеих республиках были люди и группы, выступающие с мирными инициативами, их практически не слышали и обвиняли в предательстве национальных интересов. Что интересно: в этот период иногда даже руководство двух республик выступало с мирными инициативами (например, руководство Армении в 1992 г. или Азербайджана в 1993 г.). Однако заключенные в эти годы соглашения о прекращении огня очень быстро нарушались и боевые действия возобновлялись.

Безусловно, помимо военно-политических аспектов возобновления боевых действий, на руководства стран оказывало давление и настроение обществ, ожидающих скорой победы. Лишь в мае 1994 г., когда обе армии обессилили и практически не могли двигаться вперед, удалось заключить более или менее реальное соглашение о прекращении огня (при этом надо признать, что это соглашение носит условный характер, т. к. все эти годы оно многократно нарушалось), устраивающее на тот момент обе стороны.

За последние 24 года отношения в обществах к миру и войне несколько изменились и стали отличаться друг от друга. Армения, взяв под свой контроль Нагорный Карабах и создав вокруг него «зону безопасности» из 7 захваченных районов, считала себя победителем и готова была вести переговоры о мирном договоре. Я думаю, что в этот период в армянском обществе превалировало мнение, что Армения должна на правах победителя диктовать условия мира Азербайджану. В Азербайджане, наоборот, не хотели признавать своего поражения, что привело к росту реваншистских настроений. Очень часто использовался лозунг «Проиграно сражение, но не война». Соответственно, азербайджанское общество, уставшее от войны, тоже было готово к мирным переговорам, но на равных условиях, или после небольшой победоносной кампании.

Лозунг «война до победного конца» был снят с обсуждения в обоих обществах и использовался только небольшими националистическими группами.

Дискурс мира в тени дискурса войны

Надо отметить, что за 30 лет конфликта в обоих обществах так и не возникло реальное пацифистское движение как сила, могущая влиять как на настроения общества, так и на политическое руководство. Различные НПО пытались проводить миротворческие проекты, народную дипломатию, совместные семинары и конференции, молодежные лагеря и т. д., но это часто встречало яростное сопротивление со стороны властей, до населения информация доводилась слабо или искаженно. Поэтому, по мнению автора, эти попытки не переросли в возникновение реальной миротворческой силы, продвигающей дискурс мира.

Властями больше поддерживался дискурс войны в обществе, что давало определенные дивиденды как во внутренней политике, так и во внешней. Внутри республик пытались консолидировать общество перед образом врага, а во внешнем мире создавалось представление:

а) о невозможности идти на компромиссы,

б) о своей незаменимости – «мы не можем пойти на компромиссы, так как все общество хочет войны, и только мы можем гарантировать перемирие».

Несмотря на парадоксальность ситуации «ни мира, ни войны», в обществах обсуждения и дискуссии о карабахском урегулировании не прекращаются. Надо отметить, что такие дискуссии идут на международном, региональном и внутриреспубликанских уровнях.

Автору статьи приходилось принимать участие на различных подобных дискуссиях. Все время приходилось ощущать, что каждый выступающий, независимо от того, кого он представляет, находится под воздействием так называемого «внутреннего цензора», т. е. говорит то, что хочет услышать аудитория, или исходит из того, как его выступление будет оценено впоследствии обществом.

Дискуссии по карабахскому урегулированию чаще всего сводятся к повторению в различных вариациях тезиса, озвученного президентом Азербайджана о том, что мы - сторонники мирного решения карабахского урегулирования, но если надо будет, то азербайджанская армия силой освободит оккупированные земли. Более или менее реальные, «яростные» дискуссии по карабахскому урегулированию проводят небольшие маргинализированные группы «пацифистов» и националистов. И то такие дискуссии организуются крайне редко и проводятся в небольших помещениях. Результаты их не освещаются в прессе и становятся известны только небольшой аудитории.

Еще одной интересной, на мой взгляд, темой на дискуссиях о карабахском урегулировании в обоих обществах (как правило, оппозиционной и демократической их части) является тема о связи демократических преобразований в двух странах и решение карабахского вопроса. Такая дискуссия опирается на тезис, что только авторитарные режимы не хотят и не могут пойти на реальные компромиссы, а в демократическом обществе, при демократически избранной власти, опирающейся на волю народа, возможны реальные изменения в переговорном процессе. Естественно, что власти приняли такой тезис в штыки. Провластные депутаты стали обвинять проводников этой идеи в предательстве национальных интересов, как аргумент приводился тот факт, что наиболее кровопролитные бои шли именно при демократически избранных президентах, а при так называемых авторитарных властях сохранялось перемирие.

По мнению автора, такой тезис хотя и имеет право на жизнь, но имеет определенный изъян. В обоих обществах довольно слабы демократические движения и носят скорее национал-демократический характер, что и позволяет властям манипулировать настроениями в обществе.

При этом надо отметить, что практически все дискуссии в Азербайджане касаются только первой части карабахского урегулирования, т. е. освобождения захваченных территорий. В то время как у общества возникает большое количество вопросов насчет того, что будет после.

Необходимо, на мой взгляд, проведение внутриобщественных дискуссий:

- о судьбе армянского населения Нагорного Карабаха и его интеграции в азербайджанское общество (и вообще, готовы ли оба общества к такой интеграции?);
- что будет с внутренне перемещенными лицами (азербайджанскими беженцами из Карабаха) и готовы ли они вернуться на родину при полном отсутствии какой-либо инфраструктуры и рабочих мест;
- о выгодах организации совместной региональной безопасности;
- каковы будут в дальнейшем армяно-азербайджанские отношения (политические, экономические, дипломатические, транспортные и др., в том числе культурные и туристические).

И если на первый взгляд тематика таких дискуссий выглядит смешно, но ответы на многие вышеперечисленные вопросы продемонстрировали бы другой стороне насколько общества готовы или не готовы к идее мирного сосуществования ... Что сегодня выглядит более реальным.

Кто кому интересен?

Сегодня, к сожалению, надо отметить, что общества не готовы к дискуссии о мирном сосуществовании и, соответственно, не в состоянии требовать от властей того же. В первую очередь, это связано с неверной информированностью друг о друге, а вернее сказать - дезинформированностью. Информационный интерес конфликтующих обществ друг к другу чрезмерно высок. Общества очень заинтересованы в получении любой информации о другой стороне и, как губка, готовы впитывать ее. К сожалению, эта заинтересованность стала инструментом манипуляций. На мой взгляд, именно СМИ стали играть деструктивную роль в информировании обществ. Телевидение, газеты и интернет-издания выискивают по всему миру негативную информацию об азербайджанцах и армянах и сливают на головы своих сограждан. В спорте не важен результат, важно, чтобы «наш» спортсмен хотя бы на ступеньку был выше, чем «их». То же самое происходит с криминальной информацией (хотя криминальный мир давно интернационален), культурой, историей, общественными процессами, градостроительством и т. д. Особое место занимает информация с линии фронта, где гибнут молодые ребята, но в одном случае это герои и вечная им память, а в другом случае - так им и надо. При этом надо понимать, что нельзя винить в этом только СМИ.

Журналисты тоже члены наших обществ и удовлетворяют наши потребности. Любая попытка дать относительно объективную информацию моментально встречается с отторжением и обвинением в предательстве национальных интересов. Этот процесс идет уже многие десятилетия, что приводит к определенной селекции людей, занимающихся информированием обществ. Идет так называемый «естественный отбор». Как минимум, начинает работать «внутренний цензор», о чем писалось выше. Нужна, на мой взгляд, глубинная социально-психологическая перестройка общества и его потребностей. Необходимо снятие такого понятия, как «образ врага», но на это нужен как минимум социальный заказ общества, а в идеале - политическая воля властей. Как этого добиться, какие механизмы и инструменты использовать, я, к сожалению, не знаю. Наверное, надо изучить и использовать опыт сосуществования армянского и азербайджанского обществ вне исторических родин. Ведь за пределами своих стран они как-то контактируют, сотрудничают, вместе работают, обходят острые углы, часто дружат, иногда даже влюбляются и создают семьи. Что в свою очередь очень болезненно и негативно воспринимается на родине.

Надежду придает то, что с развитием коммуникационных технологий таких контактов становится все больше и больше. Молодое поколение, отдающее предпочтение виртуальному общению (при всем его отрицательном влиянии на коммуникативные функции в реальной жизни) довольно широко использует социальные сети для

общения друг с другом. Сегодня, а в будущем - еще больше, социальные сети будут играть огромную роль в формировании мировоззрения обществ.

На Западе довольно серьезно рассматривают и даже расследуют влияние социальных сетей на такие важные политические процессы, как президентские выборы в США, Брекзит и не состоявшееся отделение Каталонии. Если это стало возможным в таких хорошо структурированных обществах, то становится ясно, насколько это может быть положительно действенным или деструктивным инструментом при формировании дискурса мира и войны в таких небольших обществах, как наши. Сегодня основной процесс в социальных сетях идет пока спонтанно, но нельзя исключать, что уже начался и управляемый процесс. Как положительный пример, на мой взгляд, можно привести недавние события в Армении, которые можно назвать «фейсбукской революцией». И хотя эти события пока напрямую не связаны с дискурсом мира и войны, но рано или поздно политические изменения в Армении приведут к изменениям в отношении дискурса в обеих обществах. Кто и как воспользуется влиянием социальных сетей на формирование социального мировоззрения обществ, покажет время. Одно ясно, что политические элиты и активные представители обществ не должны оставлять эти процессы без внимания и должны постараться влиять на них.